

Ника БАТХЕН
Алексей ШИРЯЕВ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б28

Батхен, Ника

Б28 Первопроходцы / Н. Батхен, А. Ширяев. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2024. — 280 с.

ISBN 978-5-6051475-8-9

Мальчишеская тяга к звёздам знакома всем, кто вырослел в 80-е. Бесконечность не предел, за тоненькой плёнкой атмосферы таятся неизведанные миры. И достаточно самому сесть в корабль и нажать на пуск, чтобы однажды оказаться там, где не ступала нога человека, встретиться с иным разумом

Сборник «Первопроходцы» — о безоглядных мечтателях. О космонавтах, исследователях, победителях, о тех, кто умеет видеть и чувствовать, стремиться к цели и достигать её. О чести и совести, отваге и верности, о том, что надежда остаётся, даже когда всё потеряно.

Соавторы делятся с читателями своими космическими картами — открывайте и выбирайте маршрут. Может, и вам однажды захочется развернуть в ледяной пустоте звёздный парус?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6051475-8-9

© Ника Батхен, Алексей Ширяев, 2024
© Интернациональный Союз писателей, 2024

Повесть

От авторов

Мальчишеская тяга к звездам знакома всем, кто выросл в 80-е, видел на телеэкранах старты ракет и веселые лица космонавтов. Бесконечность не предел, за тоненькой пленкой атмосферы таятся неизведанные миры. И достаточно самому сесть в корабль и нажать на пуск, чтобы однажды оказаться там, где не ступала нога человека, встретиться с иным разумом.

Повести и рассказы сборника – о таких безоглядных мечтателях. О космонавтах, исследователях, победителях, о тех, кто умеет видеть и чувствовать, стремиться и достигать. О чести и совести, отваге и непреклонности, о том, что надежда остается даже когда все потеряно.

Авторы шли к звездам – то порознь, то по одному небесному пути. И делятся с читателями своими космическими картами – открывайте и выбирайте маршрут. Может и вам однажды захочется развернуть в ледяной пустоте звездный парус?

Ника Батхен, Алексей Ширяев

Пролог

Холмы молчали

Лютый мороз сковал реку, заставил слежавшийся снег скрипеть под ногами, разогнал по убежищам птиц и зверей. Лишь мохнатые низкорослые дикие лошади ковыряли копытами наст да отбившийся от стаи волк-сеголетка выл на презрительную луну. Свирепый свет отражался от белых долов, порождал длинные тени у невысоких деревьев, делая их значительнее. Воздух пах острой свежестью и горьковатым дымком – за горами холмов ждали лета жилища, собранные из шкур, веток и желтых ребер исполинских зверей. Терпеливые люди таились от холода, шили одежду, резали каменными ножами сладковатое сало, перешептывались, смеялись, искали вшей, спали вповалку – тяжелая дрема скрадывает тоску и голод, позволяет скоротать долгое время. Где-то в груди мехов заунывно плакал младенец, ему вторили несытые остромордые псы, ожидающие охоты. Скоро, скоро застучит колотушка и мужчины наденут лыжи, возьмут острые копыя, отправятся за добычей, принесут племени доброй еды. Пусть только мороз разожмет когти, перестанет перехватывать дыхание прямо у рта... Кто осмелится бросить себя навстречу смертному холоду?

Шаман

Высокий, худой, ссутуленный, как одно из равнинных деревьев, одетый в заиндевелый кафтан, увешанный амулетами. Духи предков – на тощих косицах, семь священных зверей разбежались по вороту. Резная фигурка грозного Сэли покачивается на груди в ритме песне. Ни единого слова не разобрать, только голос, что мечется полярной совой в буране, страшит и манит, завораживает и не отпускает. Прочные сети плетет шаман – не вырваться. И добыча его велика – словно олень на аркане тащится следом грозный косматый дух, потрясает бивнями, трубит в ярости. Мимо дерева пройдет Сэли – треснет дерево от свирепой стужи, мимо камня пройдет – и камень не выдержит, посмотрит на робкого лемминга или бесвестного песца – и те ледышками упадут на снег. Кто сильнее мороза, кто поспорит с повелителем холодов?

Шаман

Повинуясь могучему голосу, покидает Сэли белую степь. Подчиняясь заклятью, движется за человеком. Одной ногой мог бы раздавить ничтожного, одним движением хобота – расколотить о скалу. Но шагает за ним, покоренный упрямой волей. Мимо чалых берез и могучих лиственниц, мимо медвежьей берлоги и росомашей норы, мимо реки – к водопаду. Затрубил Сэли – льдом стали быстрые струи, остановились в воздухе. Под ладонью шамана раскрылся камень, затемнела пещера в скале. Человек и дух удалились – прочь с глаз луны. Скрипнул гранит, осыпался лед, закричала заполошная птица. И все.

Тишина вернулась

Темное небо покрылось россыпью острых искр, легкие полосы подсвеченных облаков протянулись от края до края. Налетела поземка, словно ветер принес ее с дальних склонов северных гор. Скоро станет теплее. Уцелевшие звери выйдут из нор, уцелевшие люди как прежде зажгут костры вдоль извилистой речки. Застучат бубны, засмеются красавицы, заорут новорожденные, за перелетными птицами отправятся изголодавшиеся охотники. И новый шаман – молодой, сильный – нарисует охрой на серой скале большую рыбу и лебедя, расправляющего крыла. И будет до утра жечь кору, обдавать дымом священные знаки, глядеть в огонь красными от недосыпа глазами... Голубая сияющая звезда поднялась над белым простором, угнездилась между Оленухой и Рыбаком. Звезда, которой прежде никогда не было.

Глава I

ПОЛНАЯ БУКАЧАЧА

Бульдозер опять застрял. Он тяжело ворочался в сугробе, взрывая, словно древнее чудище, из-под гусениц летели грязные комья. Стекла кабины почти залепило, мотор хрипел, однако упрямый Сан-Саных никак не хотел сдаваться – давил на рычаг и бранился, скаля желтые зубы. По уму следовало позвать на помощь, но где же вы видели сибирского мужика, который сдается по доброй воле? Даже если его противник – мерзлая забайкальская степь, окружившая Букачачу.

Над неравной битвой парил дрон – один из двух десятков верных глаз директора проекта. Проводя пальцем по экрану планшета, товарищ Марсель видел все. Растет палаточный лагерь, зато отстают от графика второй и третий бульдозеры – пурга. Ползет по узкоколейке неторопливый поезд, поднимается дымок над трубой самого важного строения в лагере – кухни, царства рыжеволосой и острой на язык поварихи. Играючи перекидывают друг другу железные балки чудо-богатыри... Головы проломают – так сотрясаться нечему. А вот что скафандры попортят – ни разу не исключено. И ведь отбrehиваться начнут – на Марсе, мол, и не такие нагрузки выдерживали. Готовимся к перелету, отрабатываем навыки тактического взаимодействия в неблагоприятных условиях. А еще будущие космонавты!

– Кумкагир, Девятаев, Рабухина – марш сюда! Отставить играть в кегли!

Одного у них не отнять – дисциплина на высоте. Приказ ребята выполнили молниеносно и убрать за собой не забыли – железки снова легли в ровный штабель. Разглядеть лица команды за матовыми стеклами шлемов не представлялось возможным, но и так было ясно – виноватые и довольные.

– Чем балки пинать, пошли бы бульдозер вытолкали, – ворчливо сказал Марсель. – Видите же, Сан-Саных в полной бу...

Дружный хохот был ему ответом. «Букачача» в переводе с эвенкийского значило «смердная яма» или попросту говоря «грязная задница». Скажем честно, еще в прошлом году полузабытый поселок и вправду напоминал росомашью берлогу – закрытые шахты,

дышащий на ладан заводик, пыльные окна Дома Культуры и облезлая статуя Ленина перед ним – дело рук местного Праксителя. Одно приличное здание – и то школа. Но вот из Читы пришла колонна строительной техники, понаехали люди, и место ожило. Сперва полигон хотели строить чуть ближе, за шестьдесят восьмым километром. Однако стоило разрыть ковшами осеннюю мерзлую землю, как на свет показались исполинские кости. Вызвали палеонтолога из Москвы – оказалось, редчайший вид кулиндадромеуса, черт бы его побрал. Пришлось под зиму переносить стройку – время не ждет... Товарищ Рощий, столичный куратор проекта, шепнул однажды – Силиконовая долина работает на опережение, там тоже учатся разгонять лазеры. Хватит того, что к Венере китайцы прибыли первыми и две станции на орбите Урана носят гордые буквы USA... Не дождетесь!

Хохот наконец стих.

– Бу-сде, тов-нач! – бодро отсалютовал Девятаев, самый рослый и самый серьезный в отряде.

– Звездный флот спешит на помощь, – съязвила Дора Рабухина, злоехидная ленинградка. – Караул, спасатели в космосе!

У Ильи Кумкагира лишних слов не нашлось – пока товарищи упражнялись в остроумии, он преодолел мало не полдороги до бульдозера. Работа не волк, убежит – не поймает. Остальные заторопились за ним.

Глядя, как серебристые фигуры вприпрыжку спешат к месту действия, Марсель тихонько вздохнул. Молодежь... Девятаеву, старшему, и двадцати пяти нет. Почему в экспедицию шлют пацанов, а не зрелых, поживших людей? Конечно же Марсель знал почему – тридцать лет полета не оставляют шанса вернуться. Но будь его воля, сам бы сел в пилотское кресло, подвинул мальчишку-эвенка куда подальше. И раскрыл бы в ледяной пустоте звездный парус – гордость новосибирской лаборатории...

Общими усилиями бульдозер удалось сдвинуть. Сан-Саных угрозил кулаком серому горизонту и до отказа вдавил педаль. Чудобогатыри вернулись к своим обязанностям – ангар сам себя не построит, технику надо куда-то прятать. С удивительной быстротой встали на место дуги, потолочные балки переплелись с несущими опорами, оставалось лишь покрыть помещение пластиком, вставить окна и двери – и вуаля, заезжай-живи.

В этом деле Кумагаир опять отличился – в одиночку держал крышу, пока пурга пробовала разорвать тонкие с виду листы, а товарищи крепили их к основе. Самый юный в команде, низкорослый, худощавый эвенк выглядел слабым звеном, а был сильным. Парень работал как землеройный автомат – проблем после него не оставалось. Быстро, четко, со смыслом и без вопросов. Своевольничал, не без того, порой пререкался с товарищами, да и с начальством спорил. Не научится держать язык за зубами – останется на Земле. Марсель не раз встречал таких одиночек – крутых, смелых, способных на подвиги, и растерявших задор вместе с юностью. Сам он с годами сделался сдержанней в прекрасных порывах – потому и руководил, а не вкалывал в поле. Впрочем, случись что, встал бы к станку, не думая о регалиях. Что там у нас?

– Поезд! Поезд, ребята! Собирайтесь, «Малыша» привезли!

Полные энтузиазма космонавты готовы были отправиться на станцию прямо в скафандрах. Но Марсель настоял – никаких нездоровых экспериментов. В циклолете как раз помещалось четверо, он сел за пульт, взволнованные космонавты кое-как устроились позади. Даже языкатая Дора помалкивала – ожидание и без того утомило. Чертовы бюрократы затянули проверку – то система передач барахлит, то гироскоп капризничает, то угол наклона сидений на два градуса выше допустимого по инструкции. А тренироваться кто будет, бумажка с печатью? И возраст, возраст... Девятаев вприпрыжку подходит – если старт отложат еще на год, парень отправится на Луну, в лучшем случае к Марсу. А межзвездной ему как ушей не видать. Остальным оставалось немного больше.

Команда успела вовремя – «Малыша» как раз вывели из вагона, осторожно и бережно, словно упирающегося бычка. Красавец, ничего не скажешь – новенький, сине-белый, массивный на вид и удивительно проворный в движении. Шесть тяжелых колес могли преодолеть трясину и не повредить тонкий покров льда, солнечные батареи на крыше превращали в энергию каждый луч света, прозрачный купол кабины прикрывал от внешних воздействий. Разработчики утверждали – выдержит даже прямое попадание метеорита. Хотелось бы верить...

Право первым вести вездеход к стоянке будущие космонавты разыграли как дети – камень-ножницы-бумага. Занявшись документами,

Марсель не следил за баловством, но сияющая физиономия Кумкагира подсказала, кто победитель. Везунчик он и бессовестно этим пользуется. И красавец, как все полукровки – темноглазый, смугло-бронзовый, с тонкими, словно прорисованными китайской тушью чертами лица. И быстрый, молниеносный, как хищный таежный зверь. И все-таки себе на уме – такими, пожалуй, были индейцы-проводники, способные перерезать глотку попутчику на привале... Покачав головой, Марсель остановил поток мысли – из досье следовало, что отец Кумкагира вырос в городском интернате, мать приехала из Москвы. Сам Илья комсомолец, кончил ВУЗ с красным дипломом, набрал триста часов налета и никаких черных пятен в послужном списке не отыскалось. Мало ли кто на кого похож!

Неожутимым движением циклолет поднялся в воздух. Удивительно – громоздкая с виду штуkenция, а управлять ей едва ли не проще, чем автомобилем. В ливень или сильную бурю Марсель старался не рисковать, но при первой возможности брал аппарат и наслаждался скоростью и простором – здесь в степи он чувствовал себя почти как в космосе. Врачи запретили Марс после первого рейса – а вот просторы Забайкалья принадлежали только ему. Перечерченные штрихами дорог пустоши, деревья из льдистого хрустала, белесые спины холмов, кочующие стада оленей, сиротливые груды забросшек, редкие птицы. Струйка дыма над лесом – охотники что ли? Или кто из неутомонных ученых пошел по следу местных легенд? Надо будет отправить бойца проверить.

А вот и «Малыш» – выписывает кренделя по заледеленой почве, только держись. Дорвался Кумкагир, пробует технику словно новую лошадь – то крутнет, то назад сдст, то набок поставит – балансировать на трех колесах вездеход тоже может. Была бы река и ее бы штурманул, не задумываясь. Может оно и правильно – слабину лучше искать здесь, на Земле. И не только в механизмах.

После особо крутого виража «Малыш» рывкнул и остановился как вкопанный. А когда снова стронулся с места, двигался совсем по-другому – мягким ходом, быстро, но аккуратно, объезжая камни и рытвины. Сразу видно, за рулем Дора – девчонка горячая, но осторожности ей не занимать. Ни сучка, ни задоринки... Одобрительно кивнув, довольный Марсель прибавил скорость – за «Малыша» он больше не беспокоился.

На стройплощадке по-прежнему копошился народ. Работа двигалась своим чередом – медленно, но упорно. Пурга ослабла, короткий день понемногу гас, с дальних сопок, поросших угрюмыми лиственницами, наползали густые сумерки. Недолго думая, Марсель двинул пальцем экран планшета и над площадкой зажглись прожектора. Да, почти на полчаса раньше, зато людям не придется возиться в темноте. И дронам будет проще работать.

В шесть прибыл «Малыш» и водворился в своем ангаре. Любопытствующие парни заглядывали туда, цокали языками, трогали гладкий корпус, считали лошадиные силы и прикидывали возможности – эта зверюга любой бульдозер вытянет и не почешется. В семь тридцать ровно по расписанию коротко рывкнул гудок. К столовой потянулись усталые работяги, на ходу вытирая снегом разгоряченные физиономии. Умыться, сменить рабочие комбинезоны на термостюмы – и за столы.

В тарелках уже маслянисто поблескивали ломтики сельди, щедро присыпанной зеленью, крупно нарезанный хлеб пах домом – не зря, не зря ладили печь. Румяная повариха раздавала пюре и котлеты, награждая кого добрым словом, а кого приговоркой да такой, что бывалоча краснел и Сан-Саных. С ней стоило дружить – до ближайшего магазина больше десяти километров, а добавка на морозе ой как важна. Поговаривали, что для любимчиков у рыжухи стояла и зеленоватая бутыль с подозрительным содержимым, но Марсель не допытывался. Перед началом строительства он лично предупредил людей – увижу пьяным, уволю. Здесь вам не равнина, не среднерусская, чтоб ее так, возвышенность, ты замерзнешь насмерть, а мне отвечать. И пока что ни единого алкаша начальнику на глаза не попадалось.

Как всегда, перед тем как поужинать, Марсель обошел столовую. С кем-то обменялся приветствием или шуткой, кого-то вполголоса расспросил о делах, извинился за задержку бумажной почты.

Он умел определять настроение коллектива по малейшим нюансам – как рассаживаются, как едят, о чем треплются за столом. Сейчас поводов для беспокойства не предвиделось – строители еще не успели вымотаться и надоесть друг другу до тошноты, день прибывал, радио и сеть работали как часы. Оживленная болтовня, улыбки, легкие споры – так, чтобы поддержать обстановку.